ДЕШЕВА БИБЛІОТЕКА.

Число 2. Число 2.

ВѢДЬМА ИЛИ ПРОКЛЯТАЯ ДѢВУ́ШКА.

НАПИСАЛЪ:
ДѢДО МИКУЛА.

Цѣна 30 филлировъ.

УНГВАРЪ.
ИЗДАНІЕ ЮЛІЯ ФЕЛДЕШІЯ.

Всякое право задержано.

НАРОДНЫЯ КАЗКИ.

ВѢДЬМА, ИЛИ ПРОКЛЯТАЯ ДѢВУШКА.

I. ЧАСТЬ.

Три воспитомцы въ пути.

Одинъ разъ, три воспитомцы высшыхъ школъ выбралися въ большую дорогу, потому, чтобы черезъ вакацію даякимъ способомъ наполнити уже отъ давна порожный мѣшокъ. Они были дѣтьми убогихъ родичей и бывали въ воспиталищи. Одинъ съ нихъ былъ, богословъ Иванъ Рученько, другій, философъ Іосифъ Хаща, третій же риторъ Іоаннъ Калина.

Богословъ Рученько былъ высокій, плечистый мужчина, и имѣлъ чрезвычайно не добру натуру: все, что возлѣ него лежало, онъ неоткладно понесъ.

Философъ Хаща былъ веселой натуры, любилъ много лежати и курити пипку; если же пилъ, то непремѣнно нанималъ цыгановъ и отплясывалъ чардаша.

Риторъ Калина былъ спокойной натуры, не носилъ вусовъ, не пилъ паленку и не курилъ пипку. Онъ цѣлкомъ удался за ритора.

Былъ уже вечеръ, когда наши путешественники своротили съ большой дороги! Солнце начало западати, и дневная теплота оставалася еще

въ воздусѣ. Рученько и Хаща молчали и курилы пипки, Калина же сбивалъ бигаромъ головки съ будяковъ, росшихъ по краяхъ дороги. Дорога протяговалася между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшыми лугъ. Вдали, видно было ниву съ зрѣлымъ житомъ, что давало до знамости, что скоро появитси якая-нибудь хата. Но уже больше часовъ уплыло, якъ они минули ниву, а между тѣмъ не стрѣтилися съ ніякимъ животнымъ. Хмары цѣлкомъ омрачили небо и настала темная ночь.

— Что за чортъ! — проговорилъ философъ Хаща, — видѣлося что сейчась будетъ хата!

Богословъ Рученько молчалъ, поглядалъ по окресностямъ, потому опять взялъ до устъ свою пипку и всѣ продолжали путь.

— Но, то странно, — сказалъ опять остановившійся философъ Хаща, — ни чорта не видно!

— Быть можетъ, что далѣе попадетъ даякая нибудь хата, — отвѣтуетъ богословъ, не выпуская пипки.

Но между тѣмъ уже была ночь и то такъ темная, что нельзя было ожидати и звѣздъ. Наши путешественники узнали, что они сблудили и что давно не по доброй дорозѣ идутъ. Еще сдѣлали нѣсколько кроковъ и найшлися въ гущавѣ глога. Хаща попробовалъ закрикнуть, но голосъ его совершенно заглухъ по сторонамъ и не было ніякого отвѣта.

— Что намъ теперь дѣлати? — сказалъ перестрашеный Хаща.

— Продолжаеме нашу путь! — отвѣтилъ Рученько.

Путешественники начали продиратися сквозь гущаву, и въ отдаленіи услышали голосъ. Стали позирати въ сторону, отъ которой голосъ дался чути и увидѣли свѣтло.

— Хата! Вѣруйте мнѣ что то хата! — воскликнулъ радостнымъ голосомъ Хаща.

Предположеніе его не обманило; черезъ короткое время они увидѣли малый хуторокъ, состоявшій изъ двухъ токмо хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ комнатахъ ясно было. Путешественники пришли къ вратамъ и увидѣли на дворѣ купецкія возы. Врата были замкнуте.

— Послухайте братя, — проговорилъ Хаща, — не отступитися хотьбы и что было, а добыти почлега.

Путешественники ударили въ ворота и закричали:

— Отвори!

Дверь въ одной хатѣ заскрипѣла и путешественники увидѣли передъ собою горбату старуху.

— Кто тамъ? — закричала она.

— Пусти, бабуся, переночовати! мы заблудили; ночь такъ темная, что не можеме далей путешествовати — сказалъ Хаща.

— А вы что за народъ?

— Народъ спокойный; богословъ Ручёнько, философъ Хаща и риторъ Калина.

— Не впущу, — отвѣтила старуха, — у меня народу полный дворъ, и всѣ комнати въ хатѣ заняты. Где я васъ подѣю? А къ тому еще якій рослый и здоровый народъ? таже и хата розвалится, когда помѣщу такихъ. Я добре знаю тѣхъ

богослововъ и философовъ; если такихъ пьяницъ начну принимати, то и двора скоро не будетъ. Нѣтъ! нѣтъ про васъ мѣста!

— Умилосердися бабуся! Якъ же можно, чтобы христіянскія души пропали ни за что? Гдѣ хочешь, помѣсти насъ; и если мы что-нибудь сдѣлаемъ, дѣлай съ нами что сама схочеши.

Бабуся немного успокоилася.

— Добре, — сказала она, — я внущу васъ, только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ; я бы неспокойна была, якбы всѣ на едномъ мѣсти были.

— Твоей воли мы не противляемся, — отвѣтили воспитомцы.

Ворота заскрипѣли и они вошли въ дворъ.

— Чуете, бабуся, — кажетъ Хаща идущій за старухою, — не найшло бы ся мало ѣдла въ хатѣ?

— Ой нѣтъ! — отвѣтуетъ старуха. — Нѣтъ у меня ничего такого; я сего дня страву не варила.

— Мы завтра заплатиме за все, — продолжаетъ Хаща.

— Ступайте, ступайте и будьте довольны тѣмъ, что даютъ вамъ; — отвѣтила гнѣвно старуха.

Хаща засмутился, но вдрухъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы. Глядающее, узрѣлъ бочку на возѣ изъ который выставалъ рыбій хвостъ. Схватилъ за хвостъ и всунулъ рыбу въ тайстру.

Старуха размѣстила путешественниковъ; Калину положила въ хатѣ, Рученька заперла въ пустую древотню, Хащу же въ пустый овчій хлѣвъ.

II. ЧАСТЬ.

Вѣдьма брошается на Хащу и летитъ на нимъ.

Хаща оставившися одинъ, съѣлъ рыбу, осмотрѣлъ плетенныя стѣны хлѣва, толкнулъ ногою въ морду просунувшуюся изъ другаго хлѣва любопытную свинью и легъ спати.

Въ тое время двери отворолися и старуха вошла въ хлѣвъ.

— Что хочете, бабуся? — сказалъ Хаща.

Но старуха не говорила ни слова, лише ишла просто къ нему съ распростертыми руками. Хаща вскочилъ на ноги и хотѣлъ утѣкати, но старуха съ сверкающими очами посмотрѣла на него и схватила за руки. Теперь учулъ Хаща что онъ безсильный, даже и голосъ не выходитъ изъ устъ его. Онъ слышитъ только якбы молотомъ бiющее сердце, видѣтъ якъ старуха складаетъ ему руки и нагинаетъ голову. Вся кровь въ немъ застигла. Старуха скочила на гребетъ его, ударила мѣтлою по боку и онъ подскакивая якъ верховой конь, съ нею возносился на воздухъ. Все то такъ скоро случилось, что Хаща ледва могъ опамятатися. Схватилъ руками себя за колѣна хотяще удержати ноги, но они сталисъ непослушными. Когда уже минули хату и передъ ними открылася ровная нива а въ сторонѣ указался чорный, густый лѣсъ, Хаща догадался что то вѣроятно »вѣдьма«.

Онъ чувствовалъ непонятное чувство сердца; спустилъ голову и при свѣтлѣ мѣсяца видѣтъ, что трава, которая видѣлось глубоко и далеко роснетъ, тутъ же подъ его ногами находится. Изъ перва началъ молитися, посему же выговоривалъ всѣ

заклинанія противъ духовъ и вдругъ почувствовалъ, что вѣдьма сидящая на его плечахъ слабѣе. Снова вернулася его сила. Быстро выскочилъ онъ изъ подъ старухи и вскочилъ на ей гребетъ. Старуха сразу скоро бѣжала съ нимъ, быстро вознеслася на воздухъ, позднѣйше же начала слабнути, спущатися, наконецъ упала на землю. Хаща схватилъ лежащій на дорогѣ бигаръ и началъ нимъ обкладати старуху. Дикій ей голосъ произнесся по степахъ; сначала былъ онъ гнѣвный, потому становился лагодный и тихій. Хаща засмѣялся сердечно и сказалъ:

— Та ци треба ти было того?

— Ой, не могу больше! — отвѣтила она и растягла на земли свои руки.

Начало свѣтати. Хаща склонился къ лежащій на земли позираетъ ей въ очи и видѣтъ, что передъ нимъ не старуха, но прекрасная дѣвица лежитъ, полная слезъ. Затрепеталъ отъ боязни. Смутокъ и якое то странное чувствіе завладѣли его сердцемъ. Пустился бѣжати просто дорогою, ажь пришелъ въ свой городъ. Объ странномъ случаю не говорилъ никому.

Ш. ЧАСТЬ.

Смерть вѣдьми и появленіеся Хащи предъ сотникомъ.

Въ тое то время окончилися вакаціи. Хаща опять принятый былъ въ воспиталище.

Между тѣмъ разголоска кружила по городѣ, что дочь однаго изъ богатѣйшихъ сотниковъ, котораго хуторъ находится въ отдаленію на нѣсколько километровъ отъ города, возвратилася въ одинъ

день съ прогулки до отцовскаго дома такъ избита, что неодолго померла. Передъ смертію желала, чтобы псалтырь и молитвы въ продолженію трехъ дней по ея смерти, читалъ одинъ изъ воспитомцевъ, по имени Іосифъ Хаща.

Въ тойже день передъ воспиталищемъ появился возъ крытый, изъ котораго вышло нѣсколько плечистыхъ воиновъ. Старшій воинъ спѣшилъ просто къ ректору. За малкое время, ректоръ прикликалъ въ свою комнату нашего философа Хащу и объявилъ ему, что сотникъ прислалъ за нимъ воиновъ и возокъ, и что неоткладно спѣшити имѣетъ въ дорогу.

Хаща на тіи слова вздрогнулъ. Предчувствіе говорило ему, что ждетъ его что-то недоброе. Риторъ посмотрѣлъ на его смутный образъ и сказалъ:

— Послухай Хаща! тебѣ не мудрствовати. Бери свои книги и въ путь.

Что было дѣлати. Взялъ книги, усѣлъ въ возъ и съ словомъ: »Здравствуйте други мои!« пустился въ путь.

По долгой пути прибыли на означеное мѣсто. На дворѣ слуги бѣгали ту и тамъ, старухи плакали, толпа любопытнаго народа позирала, якбы что-нибудь увидѣти хотѣла.

Старшій воинъ указалъ философу комнату, гдѣ находился сотникъ.

— Здравствуй юноша! — сказалъ поднесшійся сотникъ къ Хащи. — Кто ты, откуда и якъ твое имя?

— Изъ воспиталища, философъ Іосифъ Хаща.

— Кто былъ твой отецъ?

— Не знаю....

— А мати твоя?

— И матери не знаю....

— Якъ же ты познакомился съ моею донькою?

— Съ вашею донькою?! Я ей не знаю!

— Почему же она не другому, а тебѣ именно назначила читати?

— Богъ знаетъ якъ то растолковати!

— Не цыганишъ-ли ты, панъ филосовъ?

— Та чому бы я цыганилъ!...

— Если бы была только минуточку прожила, былъ бымъ о всемъ дознался. Послѣдныи слова ей были: »Никто най не читать по мнѣ, только самъ философъ Хаща; черезъ три ночи най молится за грѣшную мою душу. Онъ зиаетъ...« А что такое знаетъ, я уже не услышалъ; ледва тіи слова могла выговорити и умерла: Ступай за мною!

Они вышли въ корридоръ. Сотникъ отворилъ двери другой комнаты. Хаща перекрестился зачѣмъ переступилъ порогъ комнаты.

Комната была пріодѣта чорнымъ полотномъ. Подъ образами на высокомъ столѣ лежало тѣло умершей въ прекрасной одѣжи.

Сотникъ указалъ ему мѣсто при головѣ умершей, передъ маленькомъ столикомъ, на которомъ лежали книги.

Хаща усадовился при столѣ, пересмотривая книги. Когда сотникъ вышелъ изъ комнаты, прискочилъ онъ къ умершей и взглянулъ на ей лице, и ... трепетъ пробѣжалъ по его жилахъ; передъ нимъ лежала красавица, якой больше не было на земли.

— Вѣдьма! — воскликнилъ онъ съ стра-

хомъ и отвелъ очи въ сторону. Усѣлъ на свое мѣсто и началъ молитися. Она была та сама вѣдьма, которую онъ убилъ.

IV. ЧАСТЬ.

Похоронъ доньки сотника и ужасный случай Мартинѣ.

Когда солнце начало заходити, мертвую понесли въ церковь. Церковь представляла смутный образъ. Почернѣла, пріодѣта зеленымъ мхомъ возвѣщала, что въ ней давно уже не было богослуженія. Свѣщи были передъ каждымъ образомъ. Труну поставили посредѣ самаго олтаря. Сотникъ поцѣловалъ еще разъ умершую и весь народъ вышелъ вонъ. Вернувшеся до двора, наказалъ накормити Хащу а 9-го часа вечеромъ замкнути его въ церковь.

Голодъ, который чувствовалъ нашъ философъ, застановилъ его на нѣсколько минутъ забути объ умершей.

Вся дворня начала сходитися въ кухню. Хаща усѣлъ за столъ съ другими. При вечери начали бесѣдовати о животѣ умершей.

— Правда-ли, что наша панночка зналася съ нечистыми? — сказалъ одинъ молодый овчарь.

— Кто, панночка? — отвѣтуетъ ключаръ Дубій, — она цѣла вѣдьма! Я присягну, что вѣдьма.

— Перестаньте говорити, Дубій! — сказалъ третій — то не наше дѣло; Господь Богъ съ нею!

— Что ты хочешь! чтобы я молчалъ? — сказалъ онъ, — даже она на мнѣ самомъ ѣздила!

— А что, дѣдо! — продолжаетъ молодый овчаръ, — почѣмъ можна спознати вѣдьму?

— Тяжко спознати, — отвѣтуетъ Дубій; — хотя бы ты и всѣ псалтыри пречиталъ и заклятія выговорилъ, то неспознашь.

— Можно, можно спознати, — произнесъ голосъ одинъ изъ воиновъ; — ученыя люди говорятъ, что у вѣдьмы есть маленкій хвостикъ.

— Кажда стара баба есть вѣдьмою; — проговорилъ другій воинъ.

— Лише дайте покой старымъ бабамъ! — воскликнула гнѣвно стара кухарка, сыпающа галушки во мѣску. — Где что случится, баба причиною; если хлопъ пяницья, баба причиною; корова выпускаетъ молоко, баба причиною; сѣно неуродится или градъ пшеницу выбіетъ, баба причиною ибо проклинала! И все лише баба, баба и баба! Чортъ бы трепалъ вашими душами! . . .

— Най Богъ сохранитъ! — воскликнули они и перекрестилися.

Такій разговоръ возбудилъ любопытство у Хащи и онъ хотящеся дознати чого-нибудь о помершей, проговорилъ:

— Я бы любилъ знати, почему вы считаете панночку вѣдьмою? Ци она сдѣлала кому дачто злаго или извела кого-нибудь?

— Ой, ци одинъ разъ?! — сказалъ одинъ изъ сусѣдовъ.

— Та, ци слышали вы даколи объ Мартинѣ? — звѣдовался Дубій, обращаясь къ Хащи.

— Нѣтъ.

— Видно, что въ воспиталищи не объучаютъ большаго разума. Но, слухайте. У насъ въ селѣ

есть одинъ селянинъ, Марта. Его хата тутъ недалеко стоитъ. Въ такую самую пору, якъ мы теперь, сѣли вечеряти Марта съ женою; по вечерѣ легли спати и такъ якъ время было красное, то Мартиня легла въ хатѣ, а Марта на дворѣ. Въ колыски посреди хаты, лежало маленькое ихъ дѣтя, незнаю хлопецъ-ли или дѣвчина. Мартиня якъ легла, слышитъ, что за дверьми шкробетъ песъ и такъ непріемно выетъ, что изъ хаты утѣкать. Схватила мѣтлу и не успѣла цѣлкомъ отворити дверей, якъ песъ просунулся черезъ ея ноги и бѣжитъ просто къ дитинѣ. Марта видѣтъ, что то не песъ а панночка въ такомъ образѣ, якъ она ею знала; — но то бы еще ничего, — но она была вся синяя, а очи у ней горѣли, якъ разъяженный уголь. Она схватила дѣтину, прокусала ей горло и начала ссати изъ ней кровь. Мартиня на такій вѣдъ закричала и хотѣла утѣкати изъ хаты, но двери были заперты; скоро на печу. Сидѣтъ съ трепетомъ и видѣтъ, что панночка и къ ней подходитъ; быстро кинулася ей на шію и начала кусати. Утромъ найшелъ Мартинъ мертвое дѣтя свое и посинѣвшую, покусану жену. На другій день Мартиня умерла. — Такія дѣла случалися у насъ.

V. ЧАСТЬ.

Первая ночь въ церкви.

Послѣ такого разсказа Дубій набивъ пипку табакомъ. Разсказы о вѣдьмѣ становилися неисчерпаемыя; каждый спѣшилъ что нибудь разсказати. Къ одному вѣдьма въ видѣ сѣна пріѣхала къ самымъ дверямъ хаты; у другаго украла шапку и

пипку; многимъ дѣвушкамъ косы отрѣзала; у другихъ выпила по нѣсколько ведеръ крови, и проч.

Наконецъ всѣ начали росходитися по ночлегамъ, потому, что уже на дворѣ была темная ночь. Къ Хащи приступили четыры вонны.

— Ано, панъ философъ! — сказали они, — пора и намъ удатися въ церковь.

Хаща забралъ съ собою связокъ восковыхъ свѣщей и нужныя книги и рушился въ церковь съ воинами.

Неодолга приближилися къ освѣщенной церкви. Разсказы, якія услышалъ нашъ философъ, возбудили въ немъ боязнь. Вступили въ церковь. Здѣсь они оставили его самотнаго, желающе ему счастливо окончити свою должность и запирая за нимъ двери по приказанію сотника.

Хаща остался самотный. Сначала вздрогнулъ, наконецъ же осмотрѣлся. Посерединѣ церкви на маломъ вознесенію лежала труна съ трупомъ; свѣщи горѣли передъ темными образами а свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и мало середину церкви. Высокій иконостасъ уже показывалъ глубокою ветхость; рѣзьба его, покрытая золотомъ по мѣстахъ отпала и почернѣла. Хаща еще разъ осмотрѣлся.

— Что же, — сказалъ онъ, — чего тутъ боятися? Человѣкъ не прійдетъ сюда, а отъ умершихъ и духовъ суть у мене такія молитвы и заклятія, что они мене ненарушать. Ничто, буду читати. Жаль только, что въ храмѣ Божіемъ не можно пипку курыти!

Взялъ свѣщи, поприкрѣплялъ ихъ по мѣстахъ и неодолга вся церковь была въ ясности.

Теперь приступилъ къ трунѣ, поднесъ ей накрытье и съ страхомъ посмотрилъ на лицо умершей. Она спокойно лежала.

— Чего боятися? — подумалъ себѣ, — она больше не встанетъ изъ своего гроба, потому, что боится Божьяго слова.

Поспѣшно пошелъ на клиросъ, отворилъ книгу и началъ читати. Непонятне внутренное чувствіе говорило ему, что она неоткладно встанетъ.

Тишина была мертвая. Страшный образъ представляла освѣщенная церковь ночью съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людской.

Хаща, хотяще успокоити свою боязнь все и все голоснѣйше пѣлъ, а однимъ окомъ безпрерывно позиралъ на труну, ци ей накрытіе не поднимается. Часами слышался легкій трескъ якой-нибудь свѣщѣ или голосъ восковой капли, падавшей на землю.

Вдругъ, умерша поднесла годову....

Хаща взглянулъ и протеръ очи, не хотяще увѣрити своему зрѣнію. И истинно, она уже не лежитъ, а сидѣтъ въ своей трунѣ. Отвратилъ очи свои, и опять съ ужасомъ позираетъ на труну. Она встала... идетъ по церкви съ запертыми очами,... безпрестанно перебираетъ руками, якбы хотѣла кого-нибудь поймати.

Идетъ просто къ нему; онъ еще голоснѣйше началъ читати молитвы и произносилъ заклинанія, на которыя научилъ его одинъ монахъ видѣвшій вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ неисчисленное множество.

Она остановилася при входѣ клироса; видно ей было, что не имѣетъ силъ переступити входъ и 2 злости посѣнила, якъ человѣкъ, уже нѣсколько

дней умершій. Хаща не хотѣлъ смотрити на нею: она была страшна. Ударила зубами, отворила очи, но, не видя ничего, обратилася въ другую сторону и обхватывала церковныя снаряды и столпы, хотяще поймати Хащу. Наконецъ, остановилася, погрозила пальцомъ и легла въ труну.

Хаща съ страхомъ позиралъ на каждый ея рухъ. Наконецъ труна поднялася съ своего мѣста и со свистомъ и знукомъ начала летати по цѣлой церкви и надъ его головою. Онъ еще голоснѣйше произнесъ свои заклинанія. Видно что вѣдьма не имѣла права остановитися на клиросѣ, понеже труна спистилася на середину церкви и осталася неподвижимою. Трупъ еще разъ поднялъ свою голову. Но въ тое время дался слышати въ отдаленности голосъ когута; трупъ спустилъ голову и накрылся верхомъ труны.

Сердце у Хащи било якъ молотомъ а потъ каплями сплывалъ по чолѣ. Услышавше голосъ когута, не мало успокоился. Утромъ, пришли въ церковь пѣвецъ и старый Гвидонъ, который былъ въ достоинствѣ куратора. Пришли смѣнити его.

Пришедши на отдаленый ночлегъ, онъ долго не могъ заснути. Нощноевидѣніе все было передъ его очами. Для подкрѣпленія силъ, дали ему стаканчикъ паленки.

VI. ЧАСТЬ.

Другая ночь въ церкви.

Чѣмъ скорѣе время близилося къ вечеру, тѣмъ смутнѣйшій былъ нашъ философъ. Дарме старался онъ увеселити себя, страхъ завладѣлъ его душею.

Потемнѣло.

— Ану, панъ философъ, сказалъ старшій воинъ, — пора идти въ церковь.

— Пора, пора. Кедь бы вы знали, что на сколько спѣшу?

— Дармо, кедь такій росказъ.

— Знаю. Я бы любилъ, чтобы нашъ панъ сотникъ хоть одну нощь находился при мнѣ, тай позиралъ на явленіе. Отъ боязни вѣроятно бы онъ померъ.

— Я то вѣрую або что же дѣлати, кедь его проклята довька васъ выбрала себѣ? Поддати ся треба ей воли и продолжати свое дѣло.

— Та, . . . ходимъ.

Хащу опять отвели въ церковь, оставили самотнаго и заперли двери. Снова увидѣлъ темныя образы, блестящія рамы и труну, спокойно стоящую посреди церкви.

— Что же? — подумалъ себѣ, — теперь видѣніе мнѣ не занимательное; оно съ перваго раза только страшно; теперь уже цѣлкомъ не страшно. Продолжати буду свои заклинанія и въ третую нощь ею освобожду отъ злого духа.

Пошолъ на клиросъ, сдѣлалъ около себя кругъ съ священною водою, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ читати на голосъ, не позирая на труну. Уже около часа читалъ и начиналъ помалу уставати и покашливати, вдругъ учулъ странное чувствіе.

Трупъ уже стоялъ передъ нимъ на клиросѣ и вытресталъ на него мертвые, позеленѣвшіе очи. Хаща вздрогнулъ а холодъ пробѣжалъ по всѣхъ его жилахъ. Спустилъ очи въ книгу, началъ го-

лоснѣйше читати свои молитвы и заклинанія, и слышалъ, якъ трупъ опять ударилъ зубами и замахалъ руками, хотяще схватити его, но позиравше однимъ окомъ, увидѣлъ, что трупъ не тамъ ловитъ его, гдѣ онъ стоялъ, и якъ видно, не могъ видѣти его. Вѣроятно, освященное водою колесо, сдѣлало его невидимомъ. Трупъ глухо началъ ворчати и выговоривати мертвыми устами страшныя слова. Что значили они, того не могъ бы сказати онъ. Въ страху понялъ, что онъ творилъ заклинанія.

Вѣторъ пошелъ по церкви отъ словъ, и послышался шумъ якбы отъ множества летящихъ крылъ. Онъ слышалъ якъ били въ стекла церковныхъ взорищъ и въ желѣзныя рамы, якъ ногтями ударивали по желѣзу, якъ нечистая сила ударивала въ двери и хотѣла вдертися въ церковь. Сердце у него начало сильно бити; зажмуривъ очи, все читалъ заклинанія и молитвы. Отъ шума и битя крылъ нечистыхъ, ажь церковь затряслася. Однако Хаща не пересталъ читати. Его громкій голосъ перемогъ нечистыхъ. Наконецъ учулъ голосъ когута. Смученый Хаща пересталъ читати и отдыхнулъ.

Вошедшіе смѣнити его, найшли ледва живаго; онъ оперся о стѣну и немилосердно позиралъ на приходящихъ.

— Якъ тамъ панъ философъ? — сказалъ старшій воинъ — ци видѣли вы дачто?

— Не звѣдуйтеся . . . Дѣло не чистое. Ану, попозирайте ци даякую шкоду у взорищъ не учинили нечистыя духи. Такъ ся вдирали въ церковь, что она ажь затряслася.

— Господи! — воскликнулъ воинъ и началъ креститися. — Я говорилъ, что у молодицѣ не чистое сердце и что она въ союзѣ съ чортомъ. Господи буди милостивъ ей грѣшной души.

VII. ЧАСТЬ.

Хаща предъ сотникомъ.

Пришедши на панскій дворъ, выпилъ стаканчикъ паленки, и пригладывая на головѣ волосы, сказалъ:

— Много на свѣтѣ случаевъ! а и срахи суть, ну, . . . — и махнулъ рукою.

Стара кухарка прибѣгла къ философу и позираетъ на него.

— Господи! — воскликла она плеснувше руками, — что то съ вами, философъ? Вы посѣдили! Ой, ой, . . . такій молодый человѣкъ!

Хаща сорвался изъ сѣданія, побѣгъ къ зеркалу и съ ужасомъ увидѣлъ истину ей словъ; половина волосъ его посѣдила.

Спустилъ голову Хаща и сталъ размышляти.

— Пойду къ сотнику, — сказалъ онъ наконецъ, — раскажу ему все и объясню, что больше не хочу читати.

Въ такихъ думкахъ вступилъ въ комнату сотника.

— Здравствуй человѣче, — сказалъ онъ, — что, якъ идетъ у тебя? Все порядочно-ли?

— Недобре, государъ сотникъ, недобре! Такое чортовское дѣло водится, что, только бери шапку а утѣкай. Такія дѣла я не только что не

видѣлъ, айбо и о нихъ неслышалъ. Вѣруйте мнѣ; что то страшное.'

— Что же такого страшнаго?

— Ани говорити не хочу.

— Та скажи!

— Не знаю, ци будете вѣровати моимъ словамъ.

— Увѣрую, токмо говори!

— Та, . . . ваша донька . . . Господи упокой ея душу . . .

— Что же донька?

— Прощайте, . . . она въ союзѣ съ чортомъ . . . Такіе страхи задаетъ, что и описати ихъ невозможно!

— Читай, читай, добрый человѣче! Она не даромъ призвала тебя; она твоими молитвами, хочетъ спасти грѣшну душу свою.

— Ой нѣтъ, государь! Я не читаю!

— Читай, читай! — продолжалъ сотникъ; — тебѣ одна ночь еще осталася; ты сдѣлаешь христіанское дѣло, а я награжу тебя.

— Нѣтъ, не читаю больше! Позирайте, половина моего волося отъ страху посѣдила.

— То правда. Айбо, что же дѣлати, кедь она тебе жадала?

— Я не читаю! Закликайте другаго, най продолжаетъ.

— Другаго не кличу. Ты началъ читати и ты окончишь. Я волю моей доньки хочу исполнити.

— Вамъ государь, легко выговорити, что иди и окончай. Ану, вы воинъ; хотѣлъ бы я видѣти,

ци вы перебули бы, хоть лемъ одну нощь въ сей церкви и позирали на тое чортовское дѣло.

— Она отъ мене то не жадала.

— Зато бы вы могли осмѣлитися.

— Я, яко ей отецъ не могу того сдѣлати.

— Не можете? Тогда ани я не могу!

— Слухай, философъ! — сказалъ гнѣвно сотникъ, — тебѣ мудрствовати въ своемъ воспиталищи а не у меня. Ты смушеный еси выполнити волю моей любимой доньки. Ступай, ступай и оканчай свое дѣло. Если не окончишь, — темница тя ждаетъ; а если окончишь — тысяча дукатовъ!

— Мнѣ грошей не треба. Ябымъ хотѣлъ домой вертати.

— Не вернешся, зачѣмъ не скончишь свое дѣло. Понимаешь?

И то такъ грозно выговорилъ, что Хаща ажь затрясся отъ страху.

— Ой съ нимъ не добре мудрствовати! — подумалъ себѣ Хаща. — Чего боюся? Та ци я не легинь? Читалъ-емъ уже двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью! Видно, проклятая вѣдьма много согрѣшила, что нечистая сила такъ за нею стоитъ.

Поклонился сотнику и вернулъ на дворъ.

VIII. ЧАСТЬ.

Бесѣда Хащи съ кухаркою.

Пришедши Хаща на дворъ, прикликалъ къ себѣ кухарку и вопрошаетъ ею:

— Госпожа, вы знали доньку сотника, ска-

жите, въ чемъ она провинила, что на столько чорты завладѣли нею?

— Въ правдѣ, не знаю панъ философъ.

— Отъ такъ вечерами, ци она дагде ходила?

— Знаете, до ей спальни никто не ходилъ ибо каждый боялся. Припоминаю себѣ, что одинъ разъ принесли ей даякое тамъ письмо и никто не хотѣлъ ей отдати. Тогда тотъ незнакомый юноша, который самъ письмо привесъ вступилъ до ей комнати и мы чули одинъ часъ, якъ они бесѣдовали съ собою.

— Кто былъ тотъ юноша?

— Незнаеме!

— Якъ былъ пріодѣтый?

— Въ красной, чорной одѣжи.

— Не говорилъ-ли, кто послалъ письмо?

— Ничего.

— Сотникъ зналъ о семъ?

— Мы ему говорили, но онъ сразу не хотѣлъ намъ вѣровати.

— Коли вернулъ незнакомый юноша?

— Того мы не знаеме. Айбо слухайте панъ философъ. Еще сей то ночи о 12-омъ часѣ въ комнати доньки сотника дался чути стукъ, позднѣйше рыченіе и якбы громъ ударилъ былъ въ хату. Мы скоро побѣгли въ комнату, но никого не найшли. Ни доньки сотника, ни незнакомаго въ въ ней не было.

— Не осталося слѣда?

— Ничего.

— А сотникъ?

— Мы его сейчасъ прикликали и начали глядати ихъ. Все даремно. Сейчасъ служилъ въ

дворѣ одинъ старый человѣкъ, Крутій. Сейже позднѣйше прибѣгъ къ намъ и сказалъ, что онъ стрѣтнулся съ нечистыми. При свѣтлѣ мѣсяца спозналъ по одѣжи доньку сотника. Она сидѣла на гребтѣ одного юноши и въ воздусѣ летѣла съ звукомъ.

— Якъ яка чаровница.

— Айно.

— Вельми чудуюся, что сотникъ знаючій грѣшный поступокъ своей доньки, не старался о спасеніе ей души.

— Таже онъ всякаго способу пробовалъ, но все безъ пользи. Она отъ того дня, каждой ночи съ нѣкимъ то говорила, а мы никого не видѣли. Одинъ разъ въ ночи на столько танцовала, что не токмо образы попали долу, айбо еще и хата порушилася. Мы ся тогда вельми устрашили и стали утѣкати. А и самъ сотникъ выбѣгъ изъ комнати на дворъ.

— А въ день якъ она справовалася?

— Спокойно, якъ найчистѣйшая душа. Лемъ въ ночи шалѣла.

— Вѣроятно нечистый духъ, токмо въ ночи приходилъ къ ней.

— Айно.

— Но, зато ничь; еще лемъ одна нощь.

— Мнѣ васъ жаль, господинъ философъ.

— Что же чинити, кедь сотникъ такій грозный!

— Залиште дворъ, а утѣкайте.

— То непристоитъ.

— Господинъ, вы пожалуете.

— Добре знаю.

IX. ЧАСТЬ.

Хаща забавляется.

По оконченой бесѣдѣ, Хаща прикликалъ Дубія къ себѣ.

— Дубій! — сказалъ тойже къ приходящему ключнику, — скоро вина, музикантовъ, най забавлюся до воли.

— Ей, ей господине, лѣпше вамъ о ночи думати.

— Нѣтъ, ничего не думаю!

— Что то съ вами?

— Добре знаю, что сія ночь и такъ будетъ мнѣ послѣдною.

— Господи! . . .

— Чувствую невысловимый боль сердца и необыкновенное чувство говоритъ мнѣ, что моихъ больше не обачу.

— Не треба о томъ думати.

— Най ся случитъ, что случитися имѣетъ. Вина Дубій, скоро вина.

— Я бы радилъ вамъ господинъ съ чистою головою удатися до церкви.

— То не не ваше дѣло. Знаете, якъ человѣкъ маленько имѣетъ въ головѣ, тогда смѣлійшій. Вина, скоро вина! Найся напослѣдъ забавлю до воли. Ци говорили вы со сотникомъ?

— Айно!

— Что вамъ сказалъ?

— Наказалъ вамъ сказати, абы вы незабули о вашей должности.

— Не забуду, мнѣ и такъ все равно.

— Та принести вина?

— Айно, и то чѣмъ скорѣе!

Дубій исполнилъ его желанія. Пришли музыканты, загудили, а нашъ философъ отплясывалъ чардаша. Танцовалъ такъ долго, пока не наступило время свою должность исправляти.

X. ЧАСТЬ.

Хаща прощается.

По оконченой забавѣ пришли воины къ Хащи и ословили его, что часъ въ церковь идти. Хаща приклилалъ кухарку и Дубія, подалъ имъ руку и сказалъ:

— Здравствуйте! Мнѣ треба идти исполнити волю сотника. Быть можетъ, что живый вернуся, быть можетъ, что васъ больше не увижу. Что сія ночь страшною мнѣ будетъ о томъ не треба ни говорити. Одну просьбу имѣю. Дубій! вы были мнѣ якъ родный мой отецъ; учиньте то, что якбы я ся живый невернулъ, что сіе письмо пошлете моимъ пріятелямъ. Адресса на немъ. Най и они знаютъ, что я померъ.

— Господинъ, не откажуся вашой пресьби.

— Вы же кухарка незабувайте молитися за мою душу. Отдайте мой послѣдный поклонъ сотнику.

— Господинъ, если вы не вернетеся живый, я сейчасъ лишу сотника. Въ такомъ чортовскомъ дворѣ не буду служити. Кто знаетъ, якія страхи она будетъ еще намъ задавати. Нѣтъ, ни одной минути.

— Господинъ философъ, рушаймеся! — сказали воины.

— Прощайте! . . .

И подалъ руку Дубію и пустился съ воинами въ церковь.

Дубій и кухарка долго смотрили за отходящими и жалостно заплакали:

— Шкода сего человѣка, велика шкода.

XI. ЧАСТЬ.

Послѣдня нощь въ церкви.

Прибывши, воины по прежному впустили его въ церковь, заперли двери и отдалилися. Хаща остался самый.

Все было въ томже самомъ страшномъ видѣ. Онъ на минуту остановился. Посерединѣ ненарушимо лежала труна.

— Не устрашуся! . . . Нѣтъ, не устрашуся! — сказалъ онъ.

И удался на обычное мѣсто. Сдѣлавши по прежному около себя кругъ началъ припоминати всѣ свои закликанія.

Тишина была мертвая. Свѣщи мигали и обливали слабымъ свѣтломъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потому другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то, что писано въ книгѣ. Съ страхомъ перекрестился и началъ пѣти.

Вдругъ, среди тишины съ трескомъ упала желѣзная накрыва труны и поднялася вѣдьма. Еще страшнѣйшій былъ ей образъ. Она страшно ударяла

зубами и мерзко начала проклинати. Вѣторъ поvсталъ въ церкви, попадали на землю образы и полетѣли сверху разбитыя стекла взорищъ. Двери сорвалися съ завѣсовъ и неисчислимое множество злыхъ духовъ влетѣло въ Божію церковь. Страшный шумъ крылецъ и шкрабанье погтей наполнили всю церковь. Все лѣтало и уношалося по надъ головою философа.

У Хащи послѣдное заклятье выйшло изъ устъ. Онъ только крестился и читалъ молитвы. И въ то же время слышалъ, якъ нечистая сила мѣталася вокругъ него, ударяла его концами крылъ а хвостовъ. Не имѣлъ духа смотрѣти на нихъ; видѣлъ только, что на стѣнахъ церкви стояли страшныя, безобразныя страшила, съ долгимъ волосемъ и огнистыми очами. Надъ нимъ въ воздусѣ держалося чтось на вѣдъ огромнаго, огнистаго медведюка, съ долгими клещами а жаломъ; всѣ смотрили на него, схвативали, но не могли увидѣти его, понеже былъ окруженъ таинственнымъ кругомъ.

— Приведите Рута! Ступайте скоро за Рутомъ! — раздалися слова вѣдьмы.

XII. ЧАСТЬ.

Смерть философа Хащи.

Сейчасъ увидѣлъ Хаща, якъ нечистыя духи бросилися въ двери и спѣшили по Рута.

Онъ задрожалъ.

— Господи, кто есть сей Рутъ и для чого они его кликаютъ? Нѣтъ не устрашуся. Буду чи-

тати и заклинати на голосъ и вѣроятно они одойдутъ. Мене нарушити не могутъ ибо я укрытый. Токмо, чтобы чѣмъ скоріе приближился конецъ моего непокоя.

Тишина не долго тревала. Неодолга слышатися далъ тяжелый ходъ, звучавшій въ церкви и увидѣлъ онъ, что ведутъ безобразного человѣка, зароснутаго жилистыми коренями, у котораго ноги и руки засыпанныя были чорную якъ уголь землею. Лице у него было желѣзное а очи спущени на землю. Его привели подъ руки и поставили недалеко труни.

— Для чого мой покой нарушаете? — сказалъ громкимъ голосомъ Рутъ.

— Ты добре знаешь, что я уже третую нощь тутъ въ церкви и не могу въ вашемъ крузѣ быти.

— Знаю.

— А и то знаешь, что философъ, черезъ котораго я померла читаетъ каждой ночи Псалтырь и чинитъ заклинанія и то во такій способъ, что я невиджу его и не могу помститися надъ нимъ?

— Знаю.

— Прото я тя закликала, чтобы ты мнѣ его указалъ и то чѣмъ скорѣе. Най окончится уже наше дѣло. Ему нельзя живымъ остатися. Помсти, помсти пожадаю!

— Добре . . . Я не откажуся твоей просьби, токмо чекай маленько, най отпочну.

Сейчасъ далися слышати снова заклинанія Хащи. Вѣдьма неспокойно бѣжала по церкви и рычала, но не могла его найти.

— Чуешь Руто, чуешь?

— Чую, но не виджу!

— Смотри где онъ!

— Не могу голову поднести.

— Чому?

— Вельми тяжка.

— До Рута, скоро до Рута, ибо часъ уже вельми короткій.

— Поднесте мнѣ голову! — сказалъ онъ подземнымъ голосомъ. И всѣ страшила прибѣгли къ нему.

— Не позирай! — якій-то внутренный голосъ шепнулъ философу. — Не позирай, ибо конецъ твоему животу!

Не вытерпѣлъ онъ и глянулъ.

— Вотъ онъ, — закрычалъ Рутъ и указалъ на него желѣзнымъ пальцомъ, а всѣ страшила бросилися на него!

Нѣтъ помощи! Ни молитвы, ни закликанія не помагали. Хаща учулъ сильный ударъ и мертвый повалился на землю.

Раздался когучій крикъ. То былъ уже второй; первый прослышали страшила. Испуганные духи бросилися въ взорища и двери, чтобы чѣмъ скорѣе вылетѣти изъ церкви; уже запоздно было. Такъ и они остались, завязнуши въ дверахъ и взорищахъ.

XIII. ЧАСТЬ.

Дубій и священникъ въ церкви.

Утромъ пошолъ Дубій къ священнику и просилъ его, чтобы въедно съ нимъ вшелъ въ церковь.

— Для чого же ты мене кличешь съ собою? — звѣдовался священникъ.

— Прото, ибо я имѣлъ ужасный сонъ.

— Якій же онъ былъ?

— Я видѣлъ мертваго философа и вокругъ него множество нечистыхъ. Самъ не войду въ церковь.

— Треба было прикликати и воиновъ.

— Правду говорите; айно, чекайте маленько, я побѣжу по нихъ.

— Спѣши дабы мы ему могли быти на помощь.

Дубій бѣжалъ чѣмъ силъ стало.

Неодолга появилися воины.

— Но ходимъ! — сказалъ священникъ и взялъ съ собою крестикъ.

Пришли къ дверямъ церкви.

— Ано, прислухуймеся, ци дачого неуслышиме, — сказалъ Дубій.

Нѣтъ! не чути ничего — отвѣтилъ старшій воинъ.

— Войдеме?

— Правда! — отвѣтилъ священникъ. — Я пойду просто къ олтарю, вы же на клиросъ.

— Отворте двери!

Старшій воинъ вложилъ въ дюрку ключъ и хотѣлъ его обернути, но сейчасъ двери сами отворилися.

— Что то? — сказалъ тойже; — таже я самъ вчера вечеръ заперъ двери! . . .

— Вы можетъ забули?

— Ой, то нечистое дѣло! — сказалъ Дубій.

— Нечистое, нечистое! — додали воины.

— Все едно; вступайме въ середину! — проговорилъ священникъ. — Увидимея къ въ ней.

— Я не иду! — сказалъ Дубій. — Я боюся. Вѣроятно нечистыи дусѣ въ ней находятся.

— Они не имѣютъ силы къ намъ сближатися. Ходимъ! Воины на передъ!

Отворили тяжкія двери и войшли въ церковь, середину которой ани спознати не можна было. Труна исчезла, на мѣсто образовъ безобразованыя чудовища, а на клиросѣ мертвое тѣло Хащи.

На вѣдъ такой одмѣны вздрогнули. Перекрестилися и съ страхомъ лишили церковь.

Ледва отдалилися отъ церкви, дался чути гукъ якбы громъ ударилъ былъ.

Позираютъ назадъ а церковь западлася въ землю. Съ нею западлося и тѣло нашего философа Хащи.

(Конецъ.)

ДЕШЕВА БИБЛІОТЕКА.

Отъ давна уже слышу жалобу нашего народа же не маетъ что читати. Долго размышлялъ-емъ надъ ихъ жалобою и наслѣдъ то выдумалъ, что поскорѣе треба имъ чтось такого выдчатати. Мое рѣшеніе ознаймилъ-емъ одному съ моихъ писателей, который сейчасъ взялся до дѣла и подъ именемъ „Дѣдо Микула“ написалъ „Дешеву библіотеку“ состоящую до теперь съ 20 выпустковъ. Каждый выпустокъ имѣетъ 32 сторонъ и коштуе 30 филлировъ.

Появившіяся выпустки „Дешевой Библіотеки“ суть слѣдующіи:

Число	
1. Немилосердна царевна Ксенія.	10. Ицикъ Барухъ.
2. Вѣдьма или проклятая дѣвушка.	11. Два непріятели.
3. Тайная Крыпта.	12. Ужасный сонъ.
4. Паршивка.	13. Хата въ лѣсѣ.
5. Сынъ Люцифера.	14. Людоѣдъ.
6. Спаситель села.	15. Блудящій Голландецъ.
7. Чорна рука.	16. Кораблекрушеніе.
8. Іоаннъ Витязь.	17. Али Баба.
9. Чортовскій мостъ.	18. Страшилище села.
	19. Искры.
	20. Таинства Магіи.

И такъ теперь смѣло поручаю „Дешеву Библіотеку“ каждому, кто лемъ любитъ читати въ надѣи, что ею поскорѣе полюбитъ. Если мое рѣшеніе съ успѣхомъ окончится, тогда незадолго новыя выпустки появлются.

При заказанію (бештельованію) котораго нибудь съ тѣхъ выпустковъ доста токмо число его подати.

Кромѣ тѣхъ то изданій суть еще слѣдующія:

Христофоръ Колумбъ и Открытіе Америки. — Арпадъ, основатель отечества. — Крузое Робинзонъ. — Геновева. — Риналдинія Риналдона.

Цѣна тѣхъ выпустковъ по 20 филлировъ.

Упрашаю о попираніе „Дешевой Библіотеки“ остаюсь съ ничтеніемъ

ЮЛІЙ ФЕЛДЕШІЙ
издатель.